

УДК 81'37
UDC 81'37

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Vladimir V. Naumov
St.-Petersburg State Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

ЯЗЫК ЧУВСТВ
(из жизни животных и людей)

THE LANGUAGE OF FEELINGS
(from animal and people lives)

Аннотация

В статье рассматриваются семиотические и функциональные аспекты чувственного языка высших животных в различных видах деятельности. Описываются сходство и отличия языка животных и людей, как тождественных семиотических систем. Анализируются некоторые формы вербализации языка чувств и его восприятия в бытовой сфере и искусстве (живописи, скульптуре, танце).

Abstract

The article views semiotic and functional aspects of the language of feeling of higher animals in different types of activities. Similarity and differences of the languages of animals and human beings as identical semiotic systems are described. Some forms of verbalizing of the language of feelings and its perception in everyday life and in the sphere art (painting, sculpture, dancing) are analyzed.

Ключевые слова: язык, языковой знак, восприятие, чувства, эмоции, параязык, искусство.

Keywords: language, linguistic symbol, perception, feelings, emotions, paralanguage, art

1. Введение

Отдавая себе отчёт в невозможности представить в рамках этой статьи полный и исчерпывающий анализ заявленной проблемы, ограничимся лишь теми её аспектами, которые представляются нам наиболее интересными своими проявлениями в разных областях науки и человеческой деятельности. В лингвистике всё реже обнаруживаются доселе не исследованные вопросы теоретического и прикладного характера. Диапазон интересов языковедов настолько широк, что лингвистика уже давно вышла за пределы гуманитарной отрасли, активно сотрудничая с естественнонаучными отраслями: математикой, информатикой, биологией, медициной и так далее. Но иногда найти нерешённую проблему помогают давние и традиционные связи лингвистики с науками, изучающими поведение человека в самых разных сферах его бытия. Социология и психология – именно те области гуманитарного знания, которые периодически обнаруживают те или иные феномены поведения индивида и социума, исследование которых требует лингвистического участия. Одним из таких проявлений можно считать чувственный аспект человеческого поведения, способы и формы презентации чувств.

2. Язык животных и человека: сходство и отличия

Язык призван верифицировать чувства, и в этом смысле человек ничем не отличается от высокоразвитых животных, поведением которых руководит первая сигнальная система. Чувства – это модальная категория. Она выражает отношение живого существа к окружающей действительности посредством вербальных и невербальных средств. Чувственный язык животных имеет, однако, несколько отличий от человеческого аналога. Язык животных статичен, не дискретен и всегда релевантен. Соответственно, знаки человеческого языка дискретны (т.е. подлежат синтагматическому членению), релевантны / иррелевантны (т.е. могут обладать или не обладать планом содержания), динамичны.

Есть и принципиальное сходство, которое в большей степени объединяет язык животных и человека, нежели противопоставляет их. Обе сигнальные системы статичны, но по-разному. Статика необходима языку для осуществления связи и передачи информации от одного поколения другому. Причём в большей мере статична форма языкового знака, обуславливающая его асимметрию.

План выражения ответственен за формирование правил и норм реализации языковых единиц в узусе. Норм речевого поведения придерживаются все без исключения носители сигнального кода. Если говорить о диапазоне вариантности норм человеческого языка и языка животных, то последний – гораздо уже и жёстче. В коммуникации животных вариантность представления знака крайне ограничена из-за необходимости однозначной интерпретации сигнала тем существом, которому он (этот сигнал) предназначен. Таким образом, мы можем добавить ещё одну характеристику к перечню параметров языка животных: однозначность восприятия. Особенно это касается звуковых сигналов, призывающих к тому или иному действию. Например, вой волков, как сигнал предстоящей охоты. «Зевание» самцов у высших приматов как знак угрозы.

Может ли язык животных пополняться новыми сигналами, свидетельствующими о динамике коммуникации? И второй вопрос: насколько статичен инвентарь чувств у животных и человека, имея в виду другую, противоположную характеристику языкового знака – изменчивость (динамику). Функционал коммуникации у животных определяется набором чувств, руководящих их деятельностью. Этим процессом управляет среда обитания. Естественный отбор и эволюция видов (по Дарвину) есть не что иное, как попытки приспособления живых существ к внешней среде. Существование и, главное, сосуществование животных и людей было бы невозможно, если бы они не «изобрели» язык, сигнальный код взаимодействия внутри вида и за его пределами.

Изменение условий жизни неизбежно приводило к пополнению и (или) изменению сигналов. Есть наблюдения зоологов, свидетельствующие о появлении у японских макак, размещённых в 70-е годы прошлого века в северных регионах страны с континентальным климатом, звуковых, тактильных и мимических сигналов, не присущих их сородичам, обитающим в Африке и Азии. Снижение общей активности японских макак кажется вполне закономерным и сопоставимым с более размеренным, спокойным образом жизни и проявлением чувств северных народов и социумов, проживающих в замкнутых, вне материковых пространствах. Таким образом, мы вправе сделать два промежуточных вывода о том, что: а) чувственность это социальная категория, в большей мере объединяющая высших животных и людей, нежели противопоставляющая их; б) чувственность имеет градуальное измерение, которое обусловлено внешними факторами, регламентирующими жизнь и деятельность живых разумных существ.

Психическая составляющая чувственности – индивидуальна. Формирование и проявление чувств, в большей степени, определяется психотипом личности, константной характеристикой, сопровождающей человека (животное) на протяжении всей жизни. Психотип, в отличие от социального статуса индивида, который может меняться, имеет метафизическую природу. Набор чувств, присущих каждому психотипу, так же постоянен, как постоянны их проявления в строго заданном диапазоне. Высшие животные, приматы, прежде всего, характеризуются индивидуальными особенностями темперамента, но они не всегда выражаются соответствующими эмоциями. Психика во внутривидовых отношениях, как правило, регламентируется более значимым для коллективного сосуществования параметром – социальностью. Это не значит, что животные способны сдерживать свои чувства. Это значит, что проявление чувственности у животных осуществляется в строго заданном диапазоне, определяемом набором инстинктов. Кроме того, чувства заданы временем и пространством. Природа сама определяет способы и формы чувственных отношений в среде братьев наших меньших. И всё здесь подчинено высшей цели – выживанию рода. «Вид – это всё, индивидуум – ничто» (Ф. Ницше).

Существование вида зависит от многих причин. Одной из главных следует, видимо, считать способность к сохранению и передаче информации. Чувственность языка животных стимулирует формирование инвентаря правил выражения своего отношения к сородичам посредством эмоций. Эмотивная составляющая в поведении высших животных и людей не имеет, на наш взгляд, принципиальных отличий. Факт присутствия эмоций, как формы выражения чувств по отношению к себе подобным и окружающей действительности, неоспорим с одной лишь ого-

воркой. У животных эмоции в меньшей степени поддаются саморегуляции. В данном случае психика подавляет сознание. Исследователями поведения обезьян много раз анализировалась ситуация, когда экзальтированное поведение одного члена стаи приводило всю группу в крайне возбуждённое состояние и выйти из него помогало только переключение внимания обезьян на другой объект, осуществляемое извне. Групповая рефлексия на раздражитель у людей сопровождается не меньшим выбросом эмоций, и привести толпу в чувства, то есть в состояние самоконтроля поведения тоже не просто. Состояние аффекта не контролируется сознанием. Именно поэтому правонарушения, совершенные в состоянии повышенной эмоциональной возбудимости, находят у преступников только одну форму мотивации: «Я не хотел...».

Ещё одна особенность поведения, присущая только людям; она состоит в способности вуализации чувств. Животные не могут скрывать своих эмоций, хотя их проявления могут быть более или менее явными и выраженными. Человек же способен подавлять свои чувства либо выставлять их напоказ, демонстрировать эмоции, не соответствующие его чувствам к тому или иному объекту или явлению. При этом внутреннее состояние индивида может быть противоположным его внешним проявлениям, выраженным (или не выраженным) вербально. Двуличие, неискренность одно из самых распространённых и мерзких качеств человека, разрушающего его психику и отягощающее характер отношений индивида с другими людьми.

Вторая сигнальная система предоставляет человеку выбор речевого и паразыкового поведения. У животных такого выбора нет, но безальтернативность в данном случае не несёт в себе каких-либо издержек. Мораль и нравственность, равно как аморальность и безнравственность – категории бытия и сознания человека. Хищники убивают более слабых представителей других видов, не испытывая при этом угрызений «совести» только лишь потому, что совесть не является характеристикой этих существ. Люди убивают себе подобных и животных, преступая одну из главных Христианских заповедей – «не убий!». Пацифизм, как общественная позиция и нравственное состояние индивида, к сожалению, не может противостоять своим антиподам: жестокости, коварству, подавлению (уничтожению) более слабого. Такова человеческая природа: внутривидовая агрессия сопровождает развитие *homo sapiens* и определяет его поведение с доисторических времён по сей день.

3. «Злое бытие» людей и животных

Только в сказках и судьбе Иисуса Христа добро побеждает зло, а жизнь – смерть. В действительности же все наоборот. «Бытие есть зло», сказал Ф. Ницше, и был абсолютно прав. Одна из основных причин «злого бытия» – недостаток пищи, порождающий чувство голода. Естественный отбор – процесс безнравственный и жестокий, но это единственно возможный способ селекции и сохранения тех видов живых существ, включая человека, которые обладают жизненным потенциалом и способностью удовлетворить свои физиологические и нравственные (чувственные) потребности. Процесс физиологического насыщения у животных осуществляется по-разному, в зависимости от принадлежности к тому или иному виду, занимающему свою нишу в природной среде. Пища – главная составляющая бытия животных и человека. Без пищи вид в целом и каждый из его представителей обречён на вымирание. Это не-

преложный факт жизни животных и людей. Ещё одна общая характеристика состоит в том, что физиологическое удовлетворение потребностей более сильных всегда осуществляется за счёт более слабых. В этой зависимости, с некоторой оговоркой, за скобки выносятся отношения родителей и детей. Родители обязаны кормить своих детей, и эта генетическая потребность заложена природой в сознании животных и людей. Однако если еды не хватает, дети сами нередко становятся пищей для родителей. Весьма частым является факт поедания детёнышей у грызунов (крыс, кроликов, сусликов и т.д.).

Чувство голода и желание выжить любым способом обуславливает случаи каннибализма у людей. История криминалистики знает множество таких случаев. По воспоминаниям Д. А. Гранина, во время блокады Ленинграда факты каннибализма были зафиксированы многократно. Голод способен нивелировать даже высшие чувства человека, к которым относится любовь матери к своим детям. Именно матери в большинстве случаев убивали своих детей в блокаду. Есть ли этому факту объяснение, и подлежит ли он безоговорочному осуждению с позиций морали и нравственности? Не так все просто, оказывается. Д. А. Гранин свидетельствует, что блокадный каннибализм имел место в семьях с двумя и более детьми. Матери приносили в жертву наиболее слабого ребёнка, чтобы выжили другие. Чувство голода в данном случае контролировалось сознанием во имя высшей цели: сохранение семьи за счёт одного из её членов. Чувство родительской любви у людей и животных существенно отличается только одной позицией. У животных отсутствует любовь отца. Более того, в отряде хищников самцы часто убивают детёнышей более слабого соперника, вынуждая самку рожать и воспитывать новое потомство. Но во всяком правиле есть исключения. Одно из немногих – императорские пингвины. Мать и отец делят поровну время и усилия по сохранению и кормлению детёнышей в жесточайших условиях Антарктиды.

Родительский, преимущественно, материнский инстинкт сохранения потомства, тем не менее, не может заставить животных пренебречь своим чувством голода в пользу детёныша. Зоологами часто фиксируются случаи голодной смерти детёнышей хищников, представителей отряда кошачьих, в частности. Хищные птицы, кормящие своё потомство мясом или рыбой, часто утоляют свой голод за счёт одного из птенцов, обрекая его на голодную смерть. Можно ли утверждать, что распределение пищи между детьми вообще не присуще животному миру, поскольку этот процесс регулируется инстинктивно? И сопутствующий вопрос: испытывают ли животные чувство сострадания к слабым и старым в процессе удовлетворения своих физиологических потребностей? Вероятно, поговорка «Кто смел, тот и съел» определяет ответ на первый вопрос. Кому приходилось наблюдать за поведением птенцов в гнезде, обратили внимание на то, что при абсолютно одинаковом поведении, которое демонстрируют птенцы, встречая принёсших корм родителей (попискивание и хлопанье крылышками), еду получают не все и не в равных пропорциях. Такая же ситуация у хищников; некоторые из них (волки, гиены) кормят детёнышей полупереваренной пищей, отрывая её. За пищу нужно бороться. Этот инстинкт руководит поведением животных от рождения и до смерти. Природа иногда провоцирует жестокую конкуренцию за существование между детёнышами, которая не поддается родительской регуляции. У самки австралийского дьявола, как правило, рождается больше детёнышей, чем сосков у матери. Вот уж где «жизнь – борьба!».

Ответ на второй вопрос, возможно, удивит читателей, но это документальный факт, который был показан по телевидению. В львином прайде, как известно, самцы лишь номинально занимают лидирующую позицию, отвечая за общую безопасность семьи и деторождаемость. Едой прайд обеспечивают львицы. Среди них существует жёсткая социальная иерархия, определяемая способностями львицы к поиску и добыче парнокопытных, являющихся основной пищей львов. В охоте на зебр, львица, имевшая самый высокий социальный статус из-за своих выдающихся охотничьих способностей, получила от преследуемой зебры удар копытом. Нижняя часть морды львицы была изувечена так, что она была больше не в состоянии откусывать мясо от туш убитых львами животных. Сцена, которая была зафиксирована камерой, представляла группу львиц, расположившихся вокруг убитой антилопы и поедавших её. Старая львица лежала поодаль и уныло наблюдала за трапезой. Вдруг, одна из львиц, откусив у антилопы кусок мяса, на котором не было костей, взяла его в зубы, поднесла к покалеченной родственнице и положила мясо рядом с ней... Потрясающая сцена, ломающая традиционные представления о хищниках. Что это? Неведомое до сих пор людям поведение хищника, находящегося на вершине пищевой пирамиды и обладающего правом на единичные исключения из правил жёсткой социальной иерархии, в которых нет места сочувствию? Или привычная забота о ближних, выходящая за рамки материнского инстинкта и равная, а, может быть, превосходящая по значимости основной концепт жизни животных (basic instinct) – пищу? Решать дилемму предстоит зоологам, но в любом случае это нечто, из ряда вон выходящее.

Ещё один пример, но уже из жизни парнокопытных. История была рассказана мне моим дедом. В голодное послевоенное время его семья держала небольшое козье стадо (3 козы и 1 козёл). Козы давали молоко, но по причине большого количества детей и жуткого голода козочек пришлось зарезать и съесть. Большого сожаления по этому поводу мой дед не испытывал, поскольку самым близким существом для него после смерти жены (моей бабушки) стал козёл «Черчиль», обладавший добрым нравом и недюжинным интеллектом. Козёл выполнял около десятка голосовых команд деда и повсюду сопровождал его. Но пришло время выходить замуж старшей дочери моего деда. На свадебное угощение ожидалось много гостей. На семейном совете было принято тяжёлое, но единственно возможное решение – зарезать Черчиля и приготовить угощение. Накануне этого печального, если не сказать трагичного события, дед пошёл в сарай и принялся точить нож. Черчиль стоял рядом и всё видел. Объяснить что-либо бедняге не имело смысла. Дед не стал запирает козла в сарае, как он это обычно делал, решив, что если Черчиль ночью уйдёт со двора, то так тому и быть. Значит, не судьба. Утром, когда дед вышел из дома, Черчиль стоял у сарая. Из его глаз катились слёзы...

Дотошный читатель спросит: «А что же крокодилы? Они ведь тоже плачут». Как объяснить тот факт, что один из подвидов этих рептилий, гребнистый крокодил, часто нападающий на людей, сожрав туловище человека, почему-то орошает его голову слезами и только после этого завершает своё пиршество. По меньшей мере, странное поведение, не так ли? Однако есть немало свидетелей, подтверждающих это. Долгое время ключ к этой загадке не находился. И лишь сравнительно недавно шведским учёным Фанге и Шмидту-Нильссону удалось раскрыть эту тайну. Они доказали, что крокодилы действительно плачут, и объ-

яснили, почему это происходит. Конечно, не от жалости к своей жертве, а от избытка вредных шлаков, попадающих в организм крокодила вместе с пищей. Для их удаления у крокодила развились специальные железы, открывающиеся наружу у самых глаз. Заработали железы – и заплакал крокодил горючими слезами, но вовсе не из-за сочувствия к своей жертве.

Но именно сочувствие руководило действиями персонажей двух предыдущих примеров. Сочувствие, как искреннее понимание состояния ближнего и желание помочь ему. Слезы крокодила и метафорическое производное – «крокодиловы слёзы», как маркер лицемерия человека, якобы сочувствующего чужому горю, это одна из форм способности *homo sapiens* к вуализации своих чувств. Пустить слезу, не испытывая соответствующего чувства, довольно сложно. Человек должен заставить себя солгать, не используя вербальных средств. Замечено, что женщины плачут чаще и «охотнее» мужчин. Но объяснить этот факт функциональным преобладанием правого полушария, ответственным за психоэмоциональное состояние человека, учёные смогли относительно недавно. Есть ещё одно обстоятельство психофизиологического плана, имеющее отношение к данной проблеме. Вуализация чувств и сдерживание эмоций далеко не всегда способствует сохранению психофизического здоровья человека. Не напрасно существует народная мудрость «Поплачь, легче станет!».

Однако есть и другая сторона «медали». Чувственная свобода часто приводит к эмоциональной распушенности индивида, что разрушает его психику в не меньшей мере, чем сдерживание чувств. Как научиться соблюдать баланс проявления искренних переживаний и лицедейства? И можно ли обойтись только одним из этих состояний без ущерба для себя и окружающих? Ходят ли люди в «маске» или носят её с собой?

Чеховский персонаж Беликов из рассказа «Человек в футляре» не столь редкое явление и в нашей жизни. Футляр необходим, но не как повседневная форма самопрезентации, а как защита от агрессивной внешней среды. Футляр, как субъект (личность), исключает любую из форм лицемерия. Он свято верит в циркуляр, свод правил, норм, которые регламентируют все проявления жизни. Будучи объектом внимания к своей персоне, человек в футляре может использовать несколько средств, позволяющих ему рассчитывать на заданные рамки взаимодействия с окружающими. Вспомним мужа А. Карениной из одноимённого романа, человека гораздо более сложного и неоднозначного, нежели герой чеховского рассказа, выписанный с некоторым налётом фарса. «Футляр» Каренина иного качества. Он несёт в себе охранную функцию не только себя, любимого, но и семейных отношений, также предполагающих определённую дистанцию в отношениях мужа и жены, родителей и ребёнка. Любовь Каренина к жене и сыну столь же искренна, сколь и дозирована. Объединяет Беликова и Каренина одно, достойное уважения качество личности – цельность. Цельный человек, по определению, не способен казаться, кем бы то ни было. Заложенные в нём правила поведения не подвергаются ревизии, несмотря на сложности бытия и характер отношений с окружающими людьми. Но, быть, гораздо сложнее, чем казаться. Ницше заметил, что «не многие имеют возможность быть независимыми: это преимущество – сильных». А. И. Солженицын называл таких индивидов «людьми со стержнем». Они, как правило, неудобны в общении, поскольку часто имеют свою, отличную от большинства, позицию. Их не тяготит одиночество, так как

они самодостаточны и принятые в обществе ценности (семья, дети, друзья) могут быть ими проигнорированы в пользу уединения. «VITA CONTEMPLATIVA» (жизнь созерцательная) становится уделом таких людей.

4. Зрительный анализатор: рассудок или чувства?

Однако созерцание нельзя назвать исключительно пассивным процессом по той причине, что ответственный за эту операцию орган – глаза являются самым мощным анализатором всех живых существ. Не случайно ведущий отечественный физиолог зрения В. Д. Глезер (1985) считает глаз «частью мозга, вынесенного наружу». Глаза не только фиксируют и оценивают объект, но передают в мозг необходимую для принятия решения информацию. Но вот, что интересно. Один и тот же объект внимания оценивается зрительным анализатором, глазами разных людей, по-разному. Соответственно и результат мыслительной операции, следующей за визуальной оценкой объекта, может варьировать весьма существенно.

Лет пять назад мною был проведён нехитрый эксперимент, подтверждающий сделанный вывод (Наумов, 2012). Объектом анализа стала динамическая картинка (10 рисунков) датского художника Х. Бидструпа, представляющая нескольких персонажей (двое мужчин и собака). Хозяин собаки, дабы продемонстрировать выучку своего питомца, бросил в воду сначала свой зонт, а затем зонт своего попутчика. Когда пёс достал второй зонт, он вдруг не захотел его отдавать, ни своему хозяину, ни владельцу зонта, из-за чего возник скандал...

Приведём в самых общих чертах результаты эксперимента, в котором участвовали 22 студента первого курса направления «Лингвистика». Анализ результатов проводился по следующим позициям:

- 1) объем текстов, содержащих описание ситуации;
- 2) анализ предложенных испытуемыми заголовков текста;
- 3) лингвистическая атрибуция текстов;
- 4) анализ резюме, которое должны были сделать студенты, оценивая события картинки.

Итак, по порядку. Вариационный размах линейной протяжённости текстов: от 74 до 339 слов. Примечательно, что автором самого протяжённого текста оказался представитель мужского пола, что противоречит распространённому мнению специалистов речевой гендерологии, согласно которому, линейные параметры маскулинного речевого типа уступают аналогичным параметрам фемининного типа.

Теперь о названиях. Испытуемые предложили 21 вариант заглавия текста. Их анализ показывает аналитический характер взаимодействия зрения и мышления, проявляющийся не только в формировании некоего опорного признака, маркера ядра плана содержания текста и реализующегося в его названии, но в процессе порождения самого письменного текста в целом. Кстати говоря, ни один из вариантов заглавий, предложенных студентами, не совпал с вариантом автора рисунков. Х. Бидstrup назвал эту зарисовку «Достал».

Анализ следующего параметра эксперимента должен был, прежде всего, показать способы и формы речевого представления визуального ряда, вызывающего у испытуемых те или иные чувства и размышления, которые в свою очередь определённым образом характеризовали авторов анализируемых нарративов. В большинстве текстов (16) имеет место единая схема построения

фабулы нарратива с преобладанием синтагматического (последовательного) способа повествования, когда одно событие (эпизод), описываемое автором, сменяется другим. Сочинительный способ речепроизводства в данном случае в известной мере был предопределён авторской формой последовательной смены рисунков, иллюстрирующих развитие сюжетной линии. С другой стороны, в таком способе представления смысловых образов, возникших в результате визуально-чувственного анализа, есть и объективная причина. Известно, что сочинительный стиль повествования присущ определённому «нежному» возрасту, из которого только что вышли участники эксперимента. Впоследствии этот стиль трансформируется в более развитый структурно-сюжетный гипотактический стиль, характеризующийся смысловыми сцеплениями парадигматического содержания – синонимии, антонимии, обобщений.

В анализе резюме обращает на себя внимание различие в определении главного звена, доминанты событий. По этому признаку резюме испытуемых можно сгруппировать следующим образом: а) во главе событий собака; б) в центре описания человек и его чувства (качества); в) причина и предмет неприятностей – зонт; г) отсутствие резюме (лица, предмета, как некой доминанты событий), общая оценка событий. Не вдаваясь в подробности, заметим главное: среди оценочных категорий, превалирующих в резюме, лидирующую позицию занимает умозаключение, характеризующее такое качество человека, как легкомыслие. В целом, проведённый анализ результатов эксперимента даёт основание констатировать следующее: зрительные рецепторы, зафиксировав предъявленное изображение, стимулировали мозг испытуемых к порождению семиотически неоднородного нарратива (текста) с широким диапазоном количественных и качественных параметров.

Глаза человека – это действительно часть мозга, ответственная за идентификацию объекта зрения и аналитическую интерпретацию его свойств. Но глаза индивида в данном случае видят то, что позволяет видеть мозг. Поэтому анализ, как доминирующую функцию зрения, следует считать характеристикой, в большей мере зависимой от интеллекта. Во всяком случае, если речь идёт не просто о визуальном восприятии предмета (явления), а о письменной, графической, фиксации процесса восприятия. Если же в этом нет нужды, то анализ может иметь сугубо чувственное выражение, без промежуточной «посадки» в интеллект. Такой, к примеру, механизм восприятия живописи и скульптуры. Полотно художника или скульптурная композиция, вне зависимости от его размеров, в большинстве случаев фиксируется зрительными анализаторами сразу, целиком. Процесс этот, в отличие от предыдущего примера, не дискретен, хотя в каждой картине присутствует сюжет, предполагающий поэтапный анализ произведения. Исключения представляют работы абстракционистов, хотя и здесь зритель может распознать замысел и язык художника. «Чёрный квадрат» К. Малевича, как это ни покажется странным, имеет весьма широкий диапазон эмоциональных оценок зрителей.

Можно ли объяснить восторг поклонников кубизма только новизной этого течения в живописи, желанием автора эпатировать публику или здесь какие – то другие причины, связанные с душевными переживаниями избранных зрителей? Если это так, то можно ли считать такие чувства (эмоции) искренними? До сих пор однозначного ответа не существует. Бесспорно, на наш взгляд, одно. Феномен «золотого сечения», открытый в 13 в. итальянским математиком Фи-

боначчи, определяет гармонию не только чисел и линий, но и восприятия человеком произведений искусства. Идеальной с позиций золотого сечения, как известно, является прямоугольник с пропорциями горизонтальных и вертикальных сторон 1, 62 или 62% (горизонталь) и 38% (вертикаль). Такие соотношения размеров получили название «божественная пропорция», поскольку их восприятие соответствует фокусу зрительных центров, имеющих распределение $3/8$ и $5/8$ по отношению к соответствующим краям плоскости изображения. Наиболее известными произведениями живописи и скульптуры, выполненными в диапазоне золотого сечения, принято считать пирамиду Хеопса, рельеф фараона Египта – Рамзеса, некоторые картины Л. да Винчи.

Однако многочисленные исследования параметров золотого сечения свидетельствуют о неоднозначной оценке этого явления. Многие респонденты считают пропорции золотого сечения «растянутыми», не очень «удобными» для восприятия. Возможно, именно этим обстоятельством можно объяснить успех «Чёрного квадрата». Выбор цвета здесь тоже имел значение. Оранжевый или зелёный квадрат вряд ли бы вызвали такой ажиотаж. Чёрный – цвет философский, побуждающий к размышлению. Не случайно Ф. Ницше был неравнодушен к этому цвету в оценке «слабого» пола: «Чёрное одеяние и молчаливость делают умной любую женщину». Но цвет, заключённый в неодушевлённую геометрическую фигуру, может вызвать только размышления. Чувственной (эмоциональной) реакции это полотно, равно как и другие объекты абстрактной живописи и скульптуры, вызвать не могут. Пирамида Хеопса поражает своими размерами, но не вызывает восхищения. Скорее наоборот, она подавляет зрителя. Масштабные скульптурные композиции З. Церетели в Москве в лучшем случае оставляют зрителей равнодушными.

Может сложиться впечатление, что большие габариты вообще не способны радовать глаз и вызывать положительные эмоции. Это не так. И доказательством здесь могут стать эпические полотна И. С. Глазунова, поражающие воображение и чувства зрителя феноменальной способностью художника представить в одной картине всю историю страны («Вечная Россия», 1988). В данном случае восприятие дискретно. Заинтересованный зритель обязан синтезировать картину в соответствии с композиционным замыслом автора, расположившим события и персонажи картины в строго выстроенной последовательности и исторической значимости. Только так можно затем перейти к анализу всего полотна, как единого свидетельства представленных здесь событий и фактов.

Динамика восприятия такого произведения изоморфна восприятию танца, как многоплановой знаковой демонстрации чувств, с одной стороны, и способа передачи содержащейся в танце информации, с другой.

5. Семиотика танца (чувственная информация).

Общеизвестна, например, семиотическая природа «танца» пчёл, сообщающих о наличии нектара в строго определённом месте, его удалённости от улья и направлении полёта к нему. В этом танце нет чувств и эмоций. Это язык, жизненно важный сигнальный код, который обеспечивает существование социума. Танец по своей природе полифункционален: он является и самым древним видом коммуникации и самым древним видом искусства. У птиц и животных та-

нец это один из способов привлечения особей противоположного пола или демонстрация сил самцов во внутривидовом единоборстве.

В танцевальных телодвижениях людей многое заимствовано из мира братьев наших меньших. Принципиальная разница в том, что танцевальные па животных и птиц это инстинктивные, произвольные сигналы, которым их «научила» природа, а танцы людей это чувственные формы познания себя и окружающего мира. Именно поэтому восприятие танцев людей обусловлено канонами общечеловеческой и национальной эстетики. Но танец, как знаковая композиция, несёт в себе ещё и смысловую нагрузку. Индийский танец нужно не столько смотреть и наслаждаться, сколько «читать» и распознавать его семиотику. Это один из самых сложных способов демонстрации своих чувств исполнителем танца с помощью тела, рук, глаз, одежды. Движения и комбинации пальцев танцовщицы – знаки символы. Носителю другой культуры они непонятны. Эстетическая функция индийского танца вторична. Первичен язык, передающий эмоциональное состояние танцовщицы, её чувства к возлюбленному. Сложность и многокомпонентность телодвижений человеческого танца, однако, далеко не всегда является критерием его эстетической, чувственной оценки.

Приведём другой пример, демонстрирующий предельный эстетический аскетизм, выражающийся всего в одном телодвижении. Танец африканского племени масаи (Кения) представляет собой групповое действие нескольких мужчин, собирающихся в круг и подпрыгивающих по очереди или одновременно вверх на одном месте. Вряд ли такие «танцевальные» экзерсизы способны вызвать чувство эстетического наслаждения у представителей европейской или американской культуры. Однако у соплеменников масаи непрерываемым авторитетом в танцевальном искусстве пользуется тот мужчина, который подпрыгивает выше остальных. Он же вызывает у женской половины племени искреннее восхищение и готовность принадлежать ему душой и телом. Этот пример – абсолютное подтверждение известного философского постулата о том, что бытие определяет сознание. Можно добавить: не только сознание, но и эстетическую ментальность. Смысл «танцевальных» движений масаи был открыт сравнительно недавно.

Племена масаи – скотоводы. Они пасут коров и коз в местах, где охотятся львы. Пастухи масаи, выпрыгивая вверх, следят таким образом за приближением к стаду хищников. Бытовой характер танца в данном случае бесспорен. Пастух, охраняющий коров и совершающий в течение дня несколько сотен прыжков, больше похож на спортсмена на тренировке. Тем не менее, исполняемые им телодвижения («танец») – жизненная необходимость, обеспечивающая пищевой баланс племени. Здесь не до эстетики. Другое дело, когда «танец» масаи исполняется на публике. Танцоры становятся участниками состязания, а победитель получает статус знаковой фигуры племени. Соревновательная составляющая группового танца играет важную роль во многих культурах. Индивидуальное мастерство танцора выгодно оттеняет коллективный план содержания танца, демонстрирует единство композиции, подчеркивает его стилистические особенности. В танце, как нигде, раскрывается темперамент и характер личности, аккумулирующей в своих телодвижениях национальную эстетику. В. Гумбольдт называл язык «духом народа». Танец, являющийся невербальным, чувственным коммуникативным кодом народа, можно считать его душой.

6. Душа - источник чувств.

Концепт души в философии, религии и культурологии освещён достаточно полно, хотя общепринятой дефиниции этого феномена на сегодняшний день нет. Платон говорил, что душа и тело существуют отдельно друг от друга. Аристотель трактовал душу и тело, как неразрывно связанное единство.

Иудаизм представляет понятие души, как независимой от тела сущности, созданной непосредственно Богом. По своей природе душа непорочна; она одухотворяет тело и управляет им. Подобно тому, как Бог наполняет Вселенную, оставаясь невидимым, так и душа наполняет тело человека, будучи невидимой, неосязаемой.

В Христианстве душа – бессмертная нематериальная сущность человека, носитель разума, чувств и воли (троичность души). После смерти человека душа продолжает сознательное вне телесное существование, и её дальнейшая судьба определяется Богом на суде, имеющим два исхода: ад и рай. Таким образом, Христианство (католицизм и православие) а priori наделяют душу человека склонностью к пороку, и в зависимости от степени (не)порочности покинувшего брэнную Землю человека, отправляют его душу либо в вечно цветущий райский сад, либо в огненное чистилище, к Сатане и его рогатым подручным. Почему же душа, как триединая сущность, не способна обеспечить всем людям потенциальную возможность загробного райского существования? Какая из трёх составляющих души, в большей степени ответственна за те или иные поступки человека, по которым суд Божий его оценивает и выносит соответствующий вердикт? И, наконец, какую роль в этой триаде играет язык, материализующий проявления разума, чувств и воли человека?

Господь, наделивший людей разумом, позволил им выражать свое отношение к миру и себе подобным посредством чувств. Воля – это регулятивная основа проявления чувств и разума. Она есть не у всех людей. Волевой человек, как правило, сдержан и не проявляет своих чувств до поры до времени. Разум подсказывает ему, когда и кому он может показать свое расположение или неприязнь. Довольно часто, как уже отмечалось, психика индивида, имеющая рефлексивную природу, противодействует разуму и опережает его, заставляя человека следовать реактивным, надволевым посылам души. Именно этой особенностью человеческой психики, мы обязаны проявлениям такого высшего чувства, как любовь. Не напрасно народная мудрость гласит: «Любовь зла». А зла любовь потому, что: а) она неразборчива в определении объекта, который может оказаться впоследствии недостойным этого чувства (*Die Liebe sucht des Ihrigen nicht*); б) любовь это одно из немногих чувств, способных дезавуировать разум и волю, лишив душу двух слоев защиты, обнажив её. Существует ещё одна, расхожая, но достаточно точная формула любви: «Если ты можешь объяснить, за что любишь эту женщину (этого мужчину), значит ты её (его) не любишь». То есть чувство любви, таким образом, изначально не предполагает работу разума и анализ объекта внимания вербальными средствами. Он (объект) принимается целиком, сразу и безоговорочно. Оценка качеств предмета любви имеет место тогда, когда по каким-либо причинам он (она) начинает не соответствовать представлениям любящего (или влюблённого) человека о своем избраннике (-це). В этом случае душа «подключает» разум и волю, которые выводят отношения двух индивидуумов на такой уровень прагматики, который либо позволяет им адаптироваться друг к другу за

счёт чувственной (эмоциональной) составляющей, либо стимулирует дальнейшее нарастание неудовлетворённости и разочарования, приводящее к окончательному разрыву. Качественные характеристики антипода любви, ненависти, столь же сильного по эмоциональной энергии чувства, формируются исключительно разумом. Не бывает беспочвенной, беспричинной ненависти. За редким исключением, когда неприязнь (ненависть) имеет немотивированную основу, обусловленную внутренним состоянием субъекта, эти чувства поддаются рассудочной, волевой оценке. Значит ли это, что гнев, неприязнь, ненависть всегда адекватны раздражителю (стимулу)? Отрицательный ответ очевиден и не требует особых пояснений. Внутривидовая агрессия у животных и людей имеет две основных формы: а) открытая демонстрация физического или интеллектуального превосходства особей с высоким социальным статусом; б) латентная агрессия (исподтишка) более слабых индивидов, занимающих подчиненную позицию, но имеющих перспективу изменить свое социальное положение. Именно вторая форма порождает множество завуалированных, хитроумных комбинаций, посредством которых устраняются препятствия и объект чувственной оценки становится достигаемым и уязвимым.

Следует заметить, что причины появления чувств любви и ненависти, противоположных по содержанию, но идентичных по затратам душевной энергии, могут быть одни и те же. Раздражитель и соответствующая реакция, как правило, возбуждают чувственную природу индивида, выводят его из нейтрального психического состояния, стимулируя, в случае симпатии / антипатии выход положительных или отрицательных эмоций. Чувство (не)приязни к другому человеку обычно возникает сразу. Психика редко дает возможность разуму и воле взять таймаут и присмотреться, многократно протестировать объект внимания. Такая ситуация возникает только в случаях длительного и регулярного контакта сторон. Поэтому первое впечатление в большинстве случаев оказывается самым сильным, но, далеко не всегда, самым верным, а, точнее, адекватным. Многое здесь зависит и от поведения самого объекта. Оценка может быть завышенной в ту и другую сторону, если объект заметил наблюдение и приложил усилия по коррекции своих действий, дабы усилить чувство симпатии и произвести на своего визави максимально положительное впечатление, либо как-то нивелировать вызываемые у другого человека негативные ощущения от своей персоны.

Существенное значение в обоих случаях имеет форма проявления чувств. Тихо (молча) любить и ненавидеть значительно сложнее, поскольку на это затрачивается гораздо больше нервной энергии. Эмоциям нужен выход. Если он закрыт по тем или иным причинам, то вероятность «взрыва» более высока в случае неприязненного отношения. Вербализация негатива «очищает» человека, снимает груз с его души в неменьшей степени, чем признание в любви. Разница лишь в производимом эффекте и ответной реакции. Объект любви ограничен двумя формами ответа: «да» и «нет». Объект ненависти обладает большим потенциалом вербальных и невербальных средств, используемых в ответ на раздражитель. Вероятно, именно ситуация конфликта чувств породила формулу «Язык мой – враг мой». Речевая рефлексия, порождаемая работой неконтролируемых сознанием участков мозга, способна привести участников противостояния к непредсказуемым последствиям.

Список литературы

1. Адамович, А. Блокадная книга [Текст] / А. Адамович, Д. А. Гранин. – М., 1983. – 638 с.
2. Глезер, В. Д. Зрение и мышление [Текст] / В. Д. Глезер. – Л., 1985.– 324 с.
3. Наумов, В. В. Сенсорика восприятия родной и иноязычной речи [Текст] / В. В. Наумов // Российская оториноларингология. –2012. – № 4. – С. 89–96.
4. Ницше, Ф. Веселая наука [Текст] / Ф. Ницше / Пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.
5. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла [Текст] / Ф. Ницше. – СПб, 2008. – 238 с.

References

1. Adamovich, A. Blokadnaja kniga [Tekst] / A. Adamovich, D. A. Granin. – M., 1983. – 638 s.
2. Glezer, V. D. Zrenie i myshlenie [Tekst] / V. D. Glezer. – L., 1985.– 324 s.
3. Naumov, V. V. Sensorika vosprijatija rodnoj i inojazychnoj rechi [Tekst] / V. V. Naumov // Rossijskaja otorinolaringologija. –2012. – № 4. – S. 89–96.
4. Nicshe, F. Veselaja nauka [Tekst] / F. Nicshe / Per. s nem. M. Korenevoj, S. Stepanova, V. Toporova. — SPb.: Izdatel'skij Dom «Azбуka-klassika», 2007. – 352 s.
5. Nicshe, F. Po tu storonu dobra i zla [Tekst] / F. Nicshe. – SPb, 2008. – 238 s.